

Лариса Йоонас

*Лариса Йоонас родилась в 1960 году в Татарстане. Училась в Москве. С 1983 года живет в г. Кохтла-Ярве, Эстония. Публиковалась в журналах «Волга», «Октябрь», «Дружба народов», «Воздух» и др. Автор четырех сборников стихов. Стихи переведены на эстонский, финский, литовский, польский, английский, итальянский языки. В 2019 году вышла книга-билингва «Un quanto perso in strada» с переводами на итальянский язык.*

\*\*\*

В каком-нибудь городе Фридрихсхафене  
на железнодорожном вокзале вдруг обнаруживаешь себя  
почему-то в Киеве  
похоже все вокзалы построены одним человеком  
немного изменившим кладку стен и просветы окон  
в один и тот же год видно как время водило его рукой  
в невыносимой тоске расставаний воспроизводимой им бесконечно  
в каждом захудалом городке и в мегаполисах стиснутых камнем  
как получилось что все вокзалы неотличимы друг от друга  
история годами спрессовывалась на заплыванном асфальте  
следами жвачки солидола копоти и машинного масла  
оловянные чайники и фартуки дворников до сих пор отражаются в лужах  
никогда не высыхающих на перронах закольцованных Фридрихсхафенов  
перелистываемых нами как страницы фотоальбомов  
значение какого-то места часто понимаешь позже  
просто ходишь просто смотришь вокруг просто машешь знакомым  
а потом какое-то неясное воспоминание  
останавливает твои поезда навсегда.

\*\*\*

И такое белое расстелилось пространство  
и сказало езжай и прозрачный воздух  
обнял окутал наполнил легкие  
губы налились кровью  
капель за каплей выцеживаясь из прокушенной ранки  
сжатые руки не разнимались ледяные слова  
как шары как сахарные ягоды клюквы  
катились по снежным рукавам протянутых рук  
огромные раковины полные людей и улиц  
безупречные прозрачные тонкие  
чтобы дневной свет проникал  
и гулял бы туда и обратно  
истончаясь радужной побежалостью  
лопались оставляя металлический привкус  
недоговоренности как предательства и покинутости  
время звенело на ветру

обещанием непрямого избавления.

\*\*\*

Дорожная заметка – Фридрихсхафен,  
город, где стоит памятник графу Цеппелину,  
над Боденским озером летают воздушные шары и прогулочные дирижабли.  
В курортном городе всем находится место:  
болельщики сидят в пивной на открытой террасе,  
на маленькой яхте играют в карты, загородившись от прохожих зонтиками,  
круизные корабли, гудя, пристаю к берегу,  
рабочие приколачивают что-то к сцене грядущего фестиваля,  
китайский ресторан, казавшийся пустым, к вечеру заполняется китайцами  
дети бросают в озеро камни; цеппелин, ревя, идёт на посадку,  
крупные капли дождя разбиваются о брусчатку улицы,  
сдавленное тучами солнце освещает секвойи.  
Здесь какие-то свои специальные бодензейские секвойи,  
аутентичные, как и бодензейские макаки.  
Можно было бы считать прогулку простым туристическим ничегонеделанием,  
если бы не эти непостижимые моему пониманию секвойи,  
под которыми я мечтала погулять  
всю свою краткую непримечательную жизнь.

\*\*\*

Засыпание переход на другую сторону ночи  
усталость как блаженство мешающее уснуть  
что это за дорога которая брезжит сквозь веки  
я уже не вижу своей улыбки мерцающей в темноте  
вот мы летим расширяемся просачиваемся во вселенную  
в щебетании сумеречного леса сокрытого за спиной  
наши тела пульсируют в пустоте это неоновые гуппи  
это выталкивающие пространство медузы  
поднимающиеся все выше к едва уловимому свету  
колышущиеся каждым биением сердца  
улетающие в неизвестность щебет улыбку клубящийся сон.

\*\*\*

Восхождение в музыку  
в неизвестность похожую на ночной неопознанный шорох  
не можешь вспомнить что такое небо воздух камень  
и не хочешь знать что такое камень  
опускаешься на дно слов которые все мягче  
все прозрачнее теряют свои очертания  
рассыпаются в пыль заканчивают свое существование  
в огромных полостях мира где растут пульсирующие звуки  
проходящие сквозь космические туманные ткани

невозможно отмахнуться невозможно выплыть  
звуки просачиваются как мед сквозь поры  
склеивая ослепляя обезмолвливая  
протоязык проточувство протоощущение  
вот твоя первобытная простота музыка  
усложняющая мой мир до невозможности понимания.

\*\*\*

В ночном неожиданно разноцветном городе  
множество удивительных событий  
рождения и смерти проезжающие машины  
абажуры в окнах беззвучные кухонные мистерии  
я читаю об алгоритмах шифрования  
математика как дыхание вечности  
накоротке со звездами в обнимку со временем  
обряд посвящения отстранения от земного  
фотоны радиоволны вдохновение тишина  
поющая сияющей пустоте.

\*\*\*

Конечные станции подмосковных электричек:  
Черусти, Голутвин, Белые столбы или Лобня –  
я когда-то составила список  
мест, где непременно должна побывать.  
Это были дальние страны конечных станций, ковыльные перегоны,  
не такие как Балашиха, Подольск или Сходня –  
пыльные депрессивные поселки, жилища моих друзей и знакомых.  
Так я осваивала Подмосковьё,  
открывая для себя все больше уныния и печали,  
а когда электричка шла по Казанской дороге,  
она иногда обретала крылья  
и, перестав притормаживать у Вешняков и Ухтомской,  
брала разбег и мчалась, пугая стоящих на перронах,  
как Летучий Голландец с почти несуществующими пассажирами,  
распотрошенными на молекулы – на вдохе, в полудвижении,  
а потом внезапно останавливалась в Казани,  
и родные запахи уличной выпечки,  
как сладкий яд, вытравливали из памяти  
Павелецкий, Савеловский и Ярославский.  
Только не говорите мне ничего, я знаю, их больше не существует.

### **Разговоры с мертвыми поэтами**

Наконец понимаешь, что нет речи сильнее и свободнее той,  
которую создали слова, рожденные тысячелетия назад

и до сих пор держащиеся своего происхождения.

Повторенные многократно, они обрели мощь  
ощутимо большую, чем мимолетные события, порожденные ими.

Как бессильно сиюминутное, не успевшее накопить столько опыта,  
как хлеб, небо, воздух и вода,  
но пытающееся объяснить неуловимый протоязык,  
существующий над ними и вне их.

Слова, произнося которые, ты будто раздвигаешь мир своими легкими,  
расправляя их как крылья, расширяя межзвездные пространства,

слова, в которых уже давно нет ни рода, ни племени, ни правил, ни ударений, ни  
спряжений,  
всех тех оболочек, скорлупы, что придумали люди,  
ради удержания ощущений, которые едва касаются их настороженных тел.

«Я перестая о веществе твои слова,  
я не понимаю, на каком языке они были написаны,  
было ли это когда-нибудь важным для тебя или для меня?

«Подари мне одно-единственное стихотворение,  
которое я буду повторять как музыку,  
непрерывно, днями и ночами, вслух и мысленно,  
закольцовывая его.

«Когда я буду лететь в запотевшем зимнем автобусе,  
или скользить над зеленой рейнской водой,  
или выплывать в полночь на конечной станции метро,  
сходя в полутьму с подрагивающего эскалатора.

«Буквы слишком изменчивы, их смыслы как ртуть,  
они не выдерживают проверку временем.

Я выучила эти тысячи языков, чтобы говорить с любимыми,  
но я не говорю на языке Рильке, не говорю на языке Шекспира,  
я просто говорю языком, которым говорили они, в той мере, в которой это  
умеют делать  
шестеренки и коленвалы несовершенного человеческого организма.

То что существует в мире, уже написано,  
растворено в окружающем, и снова собирается в тексте,  
каждый раз заново и другими словами,  
но мир пронизан написанным, это то самое единственное живое или умершее  
чувство,  
надо ли тебе понимать его начертание, чтобы понять его?

Мои стихи как диалоги с мертвыми поэтами –  
диалоги с теми кто уже не может ответить,

полотно их слов не превращается в сиюминутное переживание,  
это особый род беседы, требующий умения воскрешать испытанное,  
отделения стихов от их осмысленного благоухания,  
от невольного полета, выравнивающего шероховатости.  
Это солнечный ветер, овевающий вытянувшуюся в изумлении плоть.

Стихотворения мертвых поэтов столько раз прошли вселенную насквозь,  
что ужас с той стороны бытия пронзает меня, когда я читаю их,  
и восторг понимания ошеломляет меня, растворяя в своем внесловесном свете.